

всевозможными разсказами, но больше всего воспоминаніемъ о совмѣстномъ съ нами странствованіи по Тибету. Мы всѣ не мало удивлялись до какихъ мелочей развито наблюденіе, повидимому, очень ограниченнаго монгола. Нѣсколько вечеровъ къ ряду Джэрой интересно и неутомимо разсказывалъ, послѣдовательно шагъ за шагомъ, о нашемъ путешествіи. На выраженное мною удивленіе по поводу наблюдательности и памяти цайдамскихъ монголовъ, Дадай — одинъ изъ самыхъ толковыхъ туземныхъ спутниковъ — замѣтилъ, что его дядя, сопровождавшій покойнаго Н. М. Пржевальскаго, въ его первое путешествіе по Тибету, по возвращеніи въ Цайдамъ написалъ, на сорока листкахъ бумаги, интересную исторію путешествія „русскаго нойона“. Къ сожалѣнію, пожаръ уничтожилъ этотъ оригинальный памятникъ, иначе я бы постарался добыть такого рода монгольскую литературу. Дадай закончилъ свою рѣчь обѣщаніемъ написать подобное его дяди повѣствованіе о теперешнемъ путешествіи русскихъ по Тибету.

Большимъ развлеченіемъ для нашихъ монголовъ служили тибетскіе странники, шедшіе въ Лхасу или обратно, и по дорогѣ почти всегда заглядывавшіе въ нашъ лагерь, иногда на нѣсколько дней. Въ числѣ прочихъ богомольцевъ, преимущественно тибетцевъ, одинъ оказался, къ большой радости цайдамцевъ, халхаскимъ монголомъ, въ прошломъ году покинувшимъ Цайдамъ вмѣстѣ съ тѣми ламами, которые слѣдовали до упомянутой страны при нашемъ караванѣ. Теперь, помолившись лхасскимъ святынямъ, онъ направлялся въ монастырь Лабранъ. Все необходимое въ дорогѣ, халхасецъ, какъ и всѣ тибетскіе паломники, несъ въ котомкѣ за плечами, опираясь на длинный посохъ, служившій ему вмѣстѣ съ тѣмъ и защитой отъ злыхъ собакъ.

Наши минуты досуга по-прежнему раздѣлялъ Мандрилъ, который, по мѣрѣ надвиганія весенняго тепла, чаще и чаще отпускался на свободу. Забравшись по обыкновенію на сосѣднее экспедиціонному дому дерево, ловкій звѣрекъ подолгу проводилъ тамъ время въ удивительныхъ прыжкахъ съ вѣтви на вѣтвь, не рѣдко въ погоняхъ за пристававшими къ нему воронами. Соображая о будущемъ своего невольнаго спутника, я попытался было его пристроить одному изъ мѣстныхъ тибетцевъ, но Мандрилъ на пятый день вновь прибѣжалъ въ нашъ лагерь и въ такомъ жалкомъ, несчастномъ видѣ, что у всѣхъ насъ вызвалъ глубокое сожалѣніе, усилившееся подъ впечатлѣніемъ той радости, которую проявилъ бѣдный звѣрекъ при видѣ всѣхъ насъ: въ глазахъ и движеніяхъ обезьяны, нельзя было не видѣть выраженія просьбы не покидать ее. Пробовалъ я также отпускать Мандрила въ